

Предвестники памяти

— *Офицерики-то все пьют? — спрашивал кто-то, чиркая в сенах стичкой. Глухой, простуженный голос со сдержанной угрозой отвечал: — Они допьются... Они до своего допьются!*

Михаил Шолохов. «Тихий Дон» (4-я часть)

Участились случаи неповиновения, избиений и даже убийств полицейских.

В потоке необозримых новостей, обрушивающихся на современного человека, не имеющего ни времени, ни навыка их осмыслить, эти преступные эпизоды тонут. Если их не подкачают СМИ надоедливим повтором, то и угаснут они в дымке и тьме забвения.

Нередки и случаи неподобающего и преступного поведения самих полицейских. Расстрелы случайных посетителей супермаркета, пытки задержанных, оставление без помощи собственных коллег в конфликте.

Это, разумеется, «хвосты» в целом-то скорее нормального распределения поступков стражей правопорядка.

«Хвосты», однако, выразительные и тревожные — до эсхатологических нот.

...Когда Григорий Мелехов решил-таки допытать изрядно наспиритованного английского офицера, инструктора по танкам, о том, почему все же победа в жестокой и братоубийственной междоусобице красные, тот, не в силах говорить, взял косточку от абрикоса, поставил рядом ребром ладонь и медленно накрыл ею косточку. Англичанина на эту мысль навели обутое в лапти, в пешем строю идущие на танки красноармейские цепи... «Народ нельзя победить...»

И в аналогичном пьяном ударе щеголеватый офицерик-переводчик парирует: «Он пьян и болтает ерунду. Что значит — нельзя победить народ? Часть его можно уничтожить, остальных привести в исполнение... Как я сказал? Нет, не в исполнение, а в повиновение»...

Правда, жуткая и ясная, была в этом пьяном аргументе: белые ли, красные ли — те и другие в случае их борьбы друг с другом и победы друг над другом стояли перед необходимостью привести в повиновение огромный, разбушевавшийся, разноликий, разномастный, многоплеменный озлобившийся и утомленный войной народ.

Была и еще одна правда: приняв одну из сил, большинство пойдет за нею не из-за ее ангельской чистоты и безгрешности, а выбирая меньшее из зол, то есть зло, но меньшее. Потом зло, смешавшись с повелениями жизни, природы, смягчится и в чем-то утратит свойство зла. Потом, как бы случайно, станут находиться примеры праведников, святых, не осрамивших облик человеческий. Потом, спустя эпохи, помянут тех, кто взял на себя бремя и часто неблагодарный труд лечить больные души и тела, оставаясь здесь и уклонившись от бесплодной политической суеты. Еще позже займутся историки и теми, кто на политическом попрании пытался подправить восгосподствовавший тренд. И только спустя несколько поколений баррикады на улицах и в умах исчезнут, как пепел, проигравший ветру. И услышится многоголосие мировоззрений без злобы. С позиций того дальнего времени отчетливее проявятся предвестники катастроф, упущенные шансы, пророческие подвиги, правота или неправота борцов и роль «несвятых святых».

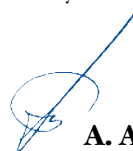
Посягательство на людей в погонах, представляющих правопорядок и его охраняющих, — опаснейший симптом. В нашей исторической памяти — традиция, обозначенная коротким разговором про пьющих офицеров, обильно оснащена героями. Этой темой специально занимался А.С. Пушкин, исследовавший пугачевский бунт. Ему тогда недоступные, открытые совсем недавно, документы следствия по делу Емельяна Пугачева показывают «глухую, простуженную» мощь молчащих до поры энергий народа. С турецкого фронта, с западных окраин снимали войска и бросали на подавление восстания.

Террор против государственных чиновников начался задолго до 1917 года. Тысячи убитых людей в погонах и мундирах! Тысячи в отместку уничтожены военно-полевыми судами. Закипала большая страна загодя. Немногие прозорливцы по предвестникам увидели грядущую беду.

«Тихий Дон» полон антисоветской фактуры, как бы сказали цензоры тех времен. Не будь высшего политического решения о славной судьбе первых частей эпопеи, Шолохов пошел бы по этапу. Но «Тихий Дон» полон и антиповстанческой фактуры. Победы белых, чем дальше от родных куреней казаков и мобилизованных крестьян, чем жесточе восстанавливалась старорежимная дисциплина, сопровождалось разложением, грабежами и утратой смысла идти на Москву. «Чума на оба эти дома», как бы молвил Шекспир. Из зол выбрано новое, инновационное, менее известное, чем прежде зло, исторически обанкротившееся по факту. Обанкротились попутно и светлые мечты. И выбрано-то было многими не зло, а идеалы. Пусть и оказавшиеся во многом фикцией.

Таков кратче анамнез текущей ситуации. Речь не идет об истории. Минимум три поколения сохраняется духовно-патологическое заражение душ. Минимум! А великие трагедии живут вечно. Когда их подзабывают, неиссякаемые энергии великих трагедий сами о себе напоминают. В этом смысле беспамятство — это ослабленный иммунитет к рецидиву трагедий. В этом же смысле живы все герои и антигерои истории, реальные и вымышленные. И Герострат, и Сократ, и Керенский, и Сталин, и Деникин, и Мелехов Григорий, и Иуда, и апостол Павел, и декабристы, и Степан Разин. Ряд этот бесконечен. В индивидуальной дозировке и составе присутствуют они, прожившие свой век, в информационно-энергетическом поле судеб каждого живущего ныне, пусть он и не подзревает об этом. Свобода воли, выбора, совести воплощается не в пустоте.

Взрывных тематик много в истории России. Накопились они, усилив и отчасти реанимировав прежние обиды, и за последнюю четверть века. Пока эти хронические обиды дремлют в толще повседневности. Не дремлют предвестники. Случаются они.

А. Агеев

Авторские блоги:
<http://www.ageev.net>
<http://aiageev.livejournal.com>
<http://www.e-xecutive.ru/blog/aiageev>
<http://www.facebook.com/aiageev>
<http://twitter.com/aiageev>